

ИСТОКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Лексика русского литературного языка неоднородна как по своему генетическому составу, так и по стилистическим возможностям, что обуславливает объединение слов в определенные стилистические категории на основе общности функций. Совокупность стилистических единиц, определяющих какой-либо стиль, составляет стилистическую категорию. Произведения поэтического жанра, как и художественная литература в целом, обладают набором стилистических средств, направленных на реализацию основной функции — эстетической, поэтому вполне правомерно выделение поэтической лексики в особую стилистическую категорию, обслуживающую поэтический стиль речи. Однако возникает вопрос: какая лексика является поэтической, каковы критерии отбора данной лексики?

Поэтический — это 'свойственный поэзии, образный, художественный' (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966). В художественном произведении все лексемы, являясь формой определенного содержания, несут смысловую нагрузку, участвуют в формировании образа, но далеко не каждое слово — поэтизм. Значительное количество поэтической лексики составляют высокие слова, традиционно употреблявшиеся в высоком стиле речи, однако термины "высокая" лексика и "поэтическая" лексика не эквивалентны: практически любое поэтическое слово, выражение, выступающее в высоком контексте, можно отнести к высокой лексике, но не каждое высокое слово может употребляться как поэтическое. Поэтическая лексика включает в свой состав высокие элементы, но не ограничивается ими, к тому же принципы употребления этих слов различны: в высоком стиле речи выбор слов определен высоким содержанием, высокой темой и жанром, стилистическая окраска слова зависит от предмета описания, в то время как выбор поэтической лексики обуславливается принципом художественной изобразительности, где эмоционально-экспрессивная нагрузка слова выступает на первый план, стилистическая окраска слова как бы накладывается на предмет, поэтизирует его. Определить состав слов, являющихся поэтизмами, достаточно сложно, поскольку важен не только статистический анализ использования того или иного слова в поэтических произведениях разных авторов, но и его функциональный анализ, традиционность употребления, к тому же понятие "поэтический, ху"

дожественный” исторически изменчиво (например, понятие эпитета в древнерусском языке было совершенно иным, чем в современном).

Поэтическая лексика как стилистическая категория начала складываться во второй половине XVIII — начале XIX века, однако истоки этой лексики нужно искать значительно глубже, в первых поэтических произведениях русского литературного языка.

“Слово о полку Игореве” является самым древним “памятником нашей поэзии” (Пушкин А. С. ПСС в 10-и т., т. 7. — М. -Л., 1951. С. 503), который Д. С. Лихачев назвал “величайшей патриотической поэмой Древней Руси” (Золотое слово русской литературы. — В кн.: Слово... М., 1983. С. 6). Эти утверждения не случайны, а обусловлены высокой внутренней поэтичностью произведений. Лексика его богата и разнообразна, но сразу бросается в глаза единство двух начал — книжно-славянского и народно-поэтического. Ср.: “истягну умь крѣпостию своею”, “наплънився ратнаго духа”, “скача, славно, по мыслену древу”, “вѣщиа прѣсты”, “единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе” — и в этом же контексте: “сѣкрымь вълкомь по земли”, “поѣха по чистому полю”, “помчаша красныя дѣвки половецкыя”, “несошася къ синему морю”, “скочи отъ нихъ лютымь звѣремь”, “труся собою студеную росу”, “славилу ему зелѣну траву”. Постоянные эпитеты, выражения устного народного творчества в сочетании с книжными элементами создают неповторимую поэтику произведения.

Слова и выражения народно-поэтической речи искусно вписываются в книжный фон произведений Симеона Полоцкого (Толь высокое благое и красно Древо посече *лота* смерть напрасно... ; Аще вся снегом зрятея покровенна, И *лотым* хладом, аги умерщвленна... ; *Красная* весна ныне нам сияет, И день *пресветлый* вселенный блистает...), Кариона Истомина (Ею по морю плаваютъ удобно во время *лота* и зѣло безгодно... ; Алеѣвина црвна *краснѣшиа*, поборница же за церковь крѣплѣшиа...).

Определения, обладающие эмоционально-оценочной окраской, оттенками песенного лиризма (типа *красный* ‘красивый, прекрасный’, *лотый*, *постылый*, *улылый* и др.) широко используются и в поэзии XVIII—XIX века: Где от горести *улылой*, Где спастись от лютых бед ? (В. Капнист); О *красный* мир, где я вопле расцвел; Прости навек; с обманутой душой я счастья ждал... (В. Жуковский); На миг в то время оживится Якутск *улылый* и глухой (К. Рылеев); Я ныне близ реки иду свободною минутой: Там он сидел на берегу, Терзался мукой *лотой!* (М. Лермонтов). Состав таких поэтиче-

ских определений расширился за счет слов книжной речи (к их числу можно отнести эпитеты *мрачный, хладный* и др.).

Таким образом, поэтическая лексика вбирает в себя как фольклорное начало, так и книжную традицию, которые на основе общеупотребительных лексических средств создают неповторимые поэтические контексты.

Л. А. Прохорчик (Минск)

ПРОСТОРЕЧИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В русском языке просторечие — исторически сложившаяся речевая система, становление и развитие которой тесно связано с формированием русского национального языка. Термин возник из словосочетания “простая речь”, употреблявшегося в XVI—XVII вв. в значении “не книжный, народный язык”. В лексикографии термин “просторечие” зафиксирован в “Российском с немецким и французским переводом словаре” И. Нордстета 1780—82 года.

Круг просторечия в каждую определенную эпоху истории литературного языка не одинаков, как по своим общим границам, так и по роли и назначению его в системах литературного языка различных эпох.

До XVIII в. под просторечием понимался весь некнижный язык русского народа (напр., аввакумовское “не позазрите просторечию нашему”). В него входило все: общерусская речевая основа, не подвергшаяся литературной обработке, и вся совокупность диалектных средств, то есть просторечие было понятием недифференцированным.

Для М. В. Ломоносова просторечие, оставаясь за пределами литературной нормы, естественно и незаметно сливалось с простонародным, диалектным. Слияние это шло в двух направлениях: 1) стихийное объединение общеразговорных языковых форм с формами местногрупповыми, характерными для речи народа; 2) мало дифференцированный круг этих форм составлял “низкий штиль”, находящийся на периферии литературного языка и не оказывающий серьезного влияния на определение норм литературного выражения (4, 130).

Понятие просторечия в XVIII в. не адекватно современному пониманию этого термина, оно было близко к этимологическому значению этого слова. Стремление наиболее исчерпывающе определить состав “простой” лексики и критерии ее выделения впервые осуществлено в “Словаре Ака-